

**Абдульвапов Н.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-СУФИЙСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В
СОБРАНИИ РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ ХАНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ В
БАХЧИСАРАЕ**

Настоящая статья является первой в серии материалов, касающихся вопросов истории формирования и современного состояния Собрания рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае. Сразу отметим, что речь пойдёт главным образом о крымскотатарской (мусульманской) части коллекции и не затронет материалов из караимского наследия, также присутствующих в Собрании, но требующих особой компетенции.

Как известно, фонды Ханского дворца-музея в Бахчисарае располагают довольно значительным собранием – более 500 единиц хранения – арабографичных рукописных и старопечатных книг на тюркских, арабском и персидском языках. На протяжении своего существования коллекция претерпела ряд значительных изъятий и утрат и в нынешнем виде представляет собой, предположительно, лишь половину основного – довоенного – состава.

К сожалению, до последнего времени Собрание было практически неизвестно широкому кругу специалистов и до сих пор остаётся абсолютно неисследованной областью крымского востоковедения. Достаточно сказать, что на предмет содержания коллекции нами до сих пор не обнаружено ни одной статьи. Между тем, речь идёт о довольно обширном Собрании весьма ценных литературно-художественных, религиозных, философских и т.д. памятников, составлявших круг чтения крымских мусульман довольно значительного исторического промежутка времени (периода XV – нач. XX вв.) и исследование которых в значительной степени помогло бы в изучении целого ряда тем, касающихся вопросов духовной и интеллектуальной жизни крымского общества того времени. Всё это определяет вполне очевидную актуальность работы по всестороннему изучению коллекции, особенно – в условиях активизировавшихся в последние годы исследований по крымскотатарской тематике.

Исходя из вышеизложенного, автором статьи была предпринята попытка исследования коллекции. Работа продолжалась несколько лет и проводилась в нескольких направлениях. В частности, исследовались вопросы истории формирования и современного состояния Собрания, памятники крымского происхождения, образцы художественной литературы, произведения по мусульманскому мистицизму (суфизму) и др.. В результате был накоплен весьма ценный материал, уже готовый или же лишь готовящийся к публикации. Некоторые материалы были уже использованы в ряде научных выступлений. Часть их послужила основой для написания и настоящей статьи.

Целью данной публикации явилось обнародование результатов исследования, пожалуй, одного из наиболее интересных и содержательных фрагментов Собрания – литературно-художественных памятников религиозно-суфийского содержания. Для достижения цели была предпринята попытка решения целого ряда задач, касающихся вопросов определения авторства произведений, их названия, жанра, краткого содержания, художественной ценности и места в истории литературы, времени переписки (для рукописей) или издания и т. п.. Помимо этого, в статье присутствует краткий экскурс в историю формирования и функционирования Собрания, а также описаны основные источники формирования его крымскотатарской (мусульманской) части*. (*Сноска: За предоставленную возможность работы с материалами Собрания и ценные рекомендации считаем своим долгом выразить благодарность сотрудникам Ханского дворца-музея, любезно оказывавшим нам свою помощь, и в первую очередь – заведующей Фондами уважаемой Г.И. Золотовой.)

Говоря об истории формирования Собрания, отметим, что начало процессу было положено в 1917 году – по объявлении Ханского дворца Музеем (официальное название – Музей Бахчисарайского ханского дворца, позже – Государственный дворец и музей Тюрко-Татарской культуры). У истоков становления Собрания стоял директор Музея – известный крымский этнограф, художник и общественный деятель У. Боданинский (1917–1934) [1], под непосредственным руководством которого и главным образом в результате активной работы в период 1920-х годов Собрание и была сформировано.

Основу его крымскотатарской части составили следующие коллекции:

1. Книги и рукописи из библиотеки Ханского дворца, в частности библиотеки Большой дворцовой мечети (передана в ведение Музея в 1923 г.) [2];
2. Книги и рукописи из библиотеки Зынджырлы медресе [3];
3. Книги, рукописи и другие материалы из библиотеки типографии газеты «Терджиман» и, надо полагать, личной библиотеки И. Гаспринского, а также, возможно, из библиотеки Дома-музея И. Гаспринского (1921–1930-е гг.);
4. Книги и рукописи, собранные во время различных экспедиций по Крыму, в частности, в результате большой археолого-этнографической экспедиции 1925 года при участии самого У. Боданинского [4];
5. Перешедшие или изъятые из различных культовых учреждений Крыма: мечетей, медресе, суфийских обителей и т.п. [5];
6. Крупные частные собрания, в частности, библиотека последнего мудерриса Зынджырлы медресе Озенбашлы Мустафы Осман-оглу (1858–1939) [6];
7. Отдельные поступления в виде даров и т.п.

К сожалению, до сих пор не удаётся обнаружить каких-либо подробных описаний довоенного состава Собрания. В нашем распоряжении имеется лишь статья И.Ю. Крачковского «Отчёт о командировке в Крым летом 1924 г.», написанная в самый разгар его комплектования и, соответственно, не могущая дать представление о его полном содержании [7].

К счастью, сохранилась «Инвентарная книга» (полное название – «Инвентарная книга Государственного дворца и музея Тюрко-Татарской культуры. г. Бахчисарай», далее – «Опись»), представляющая собой краткую опись всего рукописного и печатного фонда Музея и составленная предположительно самим У. Боданинским (ему, во всяком случае, принадлежит её арабиграфическая крымскотатарская часть). Всего в «Опись» включено 2599 единиц хранения. В это количество входит рукописный, старопечатный, газетный и журнальный материалы на крымскотатарском, турецком, османском, арабском, персидском, русском, французском и др. языках, а также образцы различного рода документов, журналы полевых экспедиций и т.п. Самое общее представление о составе предвоенной коллекции «Опись», таким образом, дать может.

В последующем Собрание претерпело ряд серьезных изменений. Не считая потерь, понесенных им в период фашистской оккупации Крыма в 1941-44 гг., в 1976 г. Собрание лишилось чуть более 400 единиц хранения (337 названий), переданных Министерством культуры УССР в Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (СПб) [8]. Годом раньше, в 1975 г., 30 единиц были переданы в Львовский музей истории религии и атеизма [9]. Ещё 16 названий были переданы в 1985 г. в Евпаторийский музей истории религии и атеизма. Помимо этого, с открытием в 2001 году в Бахчисарае Дома-музея И. Гаспринского все материалы, связанные с ним и с «Терджиманом», – в основном, издания «Терджимана» и, в том числе, произведения самого И. Гаспринского, – были переданы в фонды этого Музея.

Возвращаясь к «санкт-петербургской» части коллекции, отметим, что Бахчисарайский музей в настоящее время располагает лишь очень неполной и, к сожалению, непрофессионально составленной её описью [10]. Впрочем, рукописная часть этой коллекции, состоящая из 127 названий, была в своё время достаточно подробно описана О.В. Васильевой и В.В. Лебедевым [11]. Остаётся получить подробную опись печатных изданий, работа в этом направлении ведется. Это же касается и львовской коллекции.

«Крымскотатарская» (или же – арабиграфическая) часть нынешнего Собрания предварительно насчитывает около 500 единиц хранения, из которых чуть более 300 – рукописи. Все книги заново пронумерованы, практически все потеряли свои прежние номера. (Судя по многочисленным отметкам, за истекший период номера менялись несколько раз.)

Это изменение инвентарных номеров несколько затрудняет работу по верификации книг – примерно треть из них в настоящее время остаётся не атрибутированной. Основная проблема возникает с арабоязычными рукописями, и в первую очередь с теми, в которых отсутствуют начальные и конечные страницы. Необходимы специалисты по различным отраслям исламских наук: экзегетики, теологии (*калам*), хадисоведению, юриспруденции (*фикх*) и т.д., которые могли бы точно определить содержание, названия и авторов этих рукописей и книг, и соотнести их с указанными в «Описи».

Особый интерес вызывает тюркоязычная часть коллекции. Предварительная работа по её описанию уже началась, результаты её в ближайшее время будут обнародованы. В последующем, предстоит работа по подробному описанию Собрания, в том числе – непосредственно по отраслям наук, определённой тематике и каждому произведению в отдельности.

Одним из фрагментов вышеописанной работы является и настоящее исследование, касающееся памятников религиозно-суфийского содержания, и непосредственно – образцов художественной литературы.

Сразу отметим, что поскольку на подавляющем большинстве даже мало-мальски значительных памятников художественной литературы исламского мира так или иначе присутствует печать суфизма, мы рассмотрим тему сквозь призму именно этого обстоятельства, т.е. в первую очередь будут представлены образцы непосредственно суфийской литературы.

В этой связи есть необходимость в коротком отступлении. Дело в том, что, несмотря на особую значимость суфийской тематики для изучения целого ряда аспектов (если не всего комплекса!) духовной жизни средневекового крымскотатарского общества, тема «Суфизм и Крым» до сих пор является темой практически неисследованной. В настоящее время мы располагаем лишь единицами исследований по соответствующей проблематике, что абсолютно не соответствует значимости темы [12]. Появившись на полуострове по меньшей мере во второй половине XIII в., суфизм, в самых различных своих формах, был широко распространен в Крыму вплоть до 1930-х гг. Литература суфийского содержания, в том числе и местная, крымская, была достаточно популярна среди крымских татар и являлась одной из важнейших составляющих их духовной и интеллектуальной жизни. Одним из подтверждений вышесказанного может служить и коллекция произведений суфийского содержания в нашем Собрании.

В целом, все соответствующие памятники можно разделить на 2 группы: образцы художественные литературы и произведения по теории и практике суфизма. Помимо этого, в Собрании присутствовал и ряд материалов об истории суфизма и суфийской литературы, в частности книга А. Крымского «История Персии, её литературы и дервишеской теософии» (М., 1909) (№ 1816), а также другие материалы, имеющие к теме непосредственное отношение, например, *иджазет-наме* – свидетельства на право самостоятельного наставничества и учреждения суфийских обителей, выдававшиеся шейхами ученикам, завершившим курс духовного обучения.

В настоящей статье, повторимся, будут вкратце представлены произведения первой группы, и главным образом те, что присутствуют в современной коллекции, т.е. сохранившиеся произведения. В основном это – образцы поэтических произведений на османском, персидском и арабском языках, некоторые – в переводах и комментариях на турецком языке. Помимо этого, присутствуют произведения азербайджанского (Несими) и центральноазиатских (Есеви, Махтум-Кули) авторов.

Обращает на себя внимание отсутствие среди представленных образцов творчества крымских авторов. Дело в том, что целый ряд рукописных поэтических сборников крымских поэтов, которые могли бы быть рассмотрены в соответствующем контексте, т.е. в рамках религиозно-суфийской тематики, в сегодняшней Коллекции отсутствуют и в настоящее время считаются утерянными. Хочется надеяться, что эти рукописи не исчезли навсегда и в будущем будут найдены.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-СУФИЙСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В
СОБРАНИИ РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ ХАНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ В БАХЧИСАРАЕ**

Приступая непосредственно к описанию коллекции, прежде всего, обратим внимание на классику суфийской художественной мысли. Так, в коллекции присутствует экземпляр знаменитого собрания притч гениального суфийского поэта и духовного наставника Джелялеddина Руми (1207–1273, Конья) «*Месневи-и манави*» («Поэма о скрытом смысле») – одного из наиболее фундаментальных произведений мировой мистической литературы, произведения, названного знаменитым персидским поэтом и известным адептом суфийского ордена накшбендийе Абдурахманом Джами (1414–1492) «персидским Кораном» («Кораном на пехлеви»). В нашей коллекции это произведение представлено печатным экземпляром булакского (Египет) издания 1268/1852 года (с апокрифичным 7 томом) (№ 362).

Помимо самого произведения, в Коллекции присутствуют три османских комментария (*шерх*), вернее сказать – фрагменты комментариев (последний – с переводом) на него: первый, представляющий собой экземпляр 4-го тома 4-томного стамбульского издания 1288 г. х. (1871/72) (№ 646) на турецком языке, принадлежащий известному османскому шейху суфийского братства байрамиие Сары Абдуллаху (1584 – 1660) (полное название произведения: «Джевахир-и бевахир-и Месневи»), второй – некоего Али бин Ахмеда (? – ?), представляющий собой рукопись, датированную 1007 г. х. (1598/99) (№ 481) и третий – экземпляр 2-го тома 6-томного стамбульского перевода на турецкий язык (полного) с комментарием (на первые 2 тома) известного османского государственного деятеля и публициста Абидина Паши (1843–1906) (полное название: «Терджюме ве Шерх-и Месневи-и шериф», № 389, по «Описи»: № 838 (?), заметим, что в «Описи» присутствуют тт. 2–6).

Говоря о комментариях к «Месневи», заметим, что к началу XX века к «Месневи» было написано, по меньшей мере, 19 комментариев – на арабском, персидском и тюркских языках [13]. Можно предположить, что некоторые (многие?) из них имели распространение и в Крыму. Обращает внимание, что шерх Али бин Ахмеда в известных нам списках комментариев к «Месневи» отсутствует. Возможно, в нашей коллекции сохранился оригинальный список неизвестного в научных кругах комментария.

В целом же, нет сомнений, что интерес к личности и творческому наследию Руми, как и творчеству его комментаторов, никогда не угасал в Крыму: тарикат (братство) мевлеви был достаточно популярен в Крыму, его членами были, в том числе, и представители ханской фамилии. Впервые же о Руми в Крыму узнали, надо полагать, еще при жизни поэта, во второй половине XIII века. Дело в том, что один из последних сельджукских султанов Рума Изеддин Кейкавус II (ум. 1278, Судак), последние восемь лет жизни проживший в Крыму, был мюридом (учеником) Руми [14].

Возвращаясь к булакскому изданию 1852 года, добавим, что принадлежал он библиотеке Зынджырлы медресе и был подарен ей И. Гаспринским, о чём свидетельствует соответствующая дарственная надпись. Интерес к творчеству Руми со стороны И. Гаспринского представляется достаточно символическим. В целом, тема «И. Гаспринский и суфизма» является весьма интересной и заслуживает отдельного исследования.

К сожалению, в собрании отсутствуют образцы издания «Месневи» самого И. Гаспринского: известно, что в 1902 году им был издано два тома избранных притч из «Месневи» в переводе на турецкий язык [15]. Экземпляры этого издания, к счастью, сохранились в Отделе национальных литератур РГБ (Москва).

Конечно же, в коллекции присутствуют экземпляры ещё одного классического религиозно-дидактического, с элементами суфизма произведения – широкоизвестного «*Гулистана*» (1258) знаменитого персидского поэта и суфийского наставника Муслихиддина Саади (ум. 1292). «Гулистан» до начала XX века был одной из настольных книг османских медресе, имея огромную популярность и как памятник персидского языка (собственно, в османских медресе его использовали в качестве учебника персидского языка) и как произведение религиозно-философского и суфийского содержания. «Гулистан» – одно из самых известных в мире произведений мусульманской литературы. На многочисленные языки мира осуществлено более 200 его переводов. В нашей коллекции обнаружено, по меньшей мере, пять экземпляров этого произведения, в частности, один – рукописный экземпляр 958/1551 г. (№ 473) и один – печатный 1291/1874-75 г. (№ 404), ещё один является экземпляром издания, осуществленного в Бахчисарае И. Гаспринским (№ 403).

По «Описи» экземпляров значительно больше, среди них присутствует, в частности, ещё один достаточно старый рукописный список, датированный 1007/1598-99 г. (№ 357).

Трудно было бы представить мало-мальски серьёзное библиотечное собрание без произведений ещё одного из классиков суфийской литературы – выдающегося персидского поэта-мистика Фаридуддина Аттара (ум. 1220). Действительно, и в нашей коллекции мы встречаем одно из его произведений – знаменитую «*Пенд-наме*» («Книгу наставлений») казанского издания 1308/1890-91 г., с параллельным переводом на казанкотатарский язык. Книга представляет собой небольшую по объёму поэму в форме месневи, трактовующую, в основном, об этике и морали. Произведение пользовалось в своё время большой известностью не только на Востоке, но и на Западе.

Заметим, что в «Описи» фигурируют несколько экземпляров различных изданий «Пенд-наме» (№№ 629, 892, 1121, 1457, 1681).

Одно издание Аттара (не «Пенд-наме») было осуществлено в 1897 г. и в типографии «Терджимана» [16]. Экземпляр этого издания указан в «Описи» под № 2133. К сожалению, в современной коллекции оно отсутствует. Возвращаясь же к «Книге наставлений», добавим, что в Крыму был известен и один из османских комментариев на это произведение, а именно комментарий поэта Шемьи (ум. 1591): о присутствии его в коллекции Восточного музея г. Ялты в 1927 г. писал В.А. Гордлевский [17].

Встречаем в коллекции и отдельные поэтические сборники поэтов-суфиев, в частности, «*Диван*» известного османского поэта-шейха, основателя братства мисрийе (ответвление ордена хальветийе) – Мехмеда Ниязи-и Мисри (1618–1694). В данном случае, это – экземпляр «Дивана» стамбульского, 1326/1908 года издания (№ 476). Обращает на себя внимание имя издателя – некоего Юсуфа Зия Кырыми (Крымско-

го), о личности которого в настоящее время у нас, к сожалению, нет никаких сведений. Говоря же о поэте, отметим, что прославленного шейха с Крымом связывали весьма любопытные обстоятельства, могущие быть одной из причин возможно особого к нему внимания со стороны крымцев [18].

Встречаются в коллекции и образцы агиографических произведений. В частности – поэма Шемседдина Сиваси (Сивасского) «*Менакиб-и Имам-ы азам*» («Предания о Величайшем Иمامе») стамбульского 1291/1874-75 года издания (№ 785, в одном томе с «Исхак эфенди манзумеси» (см. ниже)). Автор, Шемседдин Сиваси (1520–1597, Сивас), более известный под именем Кара Шемс – суфийский шейх, основатель братства шемсие (ответвление тариката хальветийе), был очень плодовитым поэтом (стихи подписывал псевдонимом Шемси), а также автором многочисленных суфийских трактатов в прозе на турецком и арабском языках. Его «Предания о Величайшем Иمامе» представляют собой поэтическое произведение на турецком (османском) языке, посвящённое жизни и личности знаменитого мусульманского богослова, факиха (ученого-правоведа) и мухаддиса (специалиста-хадисоведа), основателя одного из четырёх правоведческих школ в исламе – ханафитского мазхаба – Абу Ханифы ан-Нумана (609–767), известного под титулом «Величайший Имам» («имам-ы азам»).

Произведение, как было указано выше, представляет собой образец жанра агиографического произведения – *менакиб-наме* (от ар. «менакиб» – легенды, предания). Жанр этот в своё время был очень популярным в самых различных читательских кругах. Делясь на поэтические и прозаические, по тематике менакиб-наме различались на посвященные различным пророкам, членам семейства Мухаммеда, четырём праведным халифам, известным мусульманским богословам, а также многочисленным персонажам непосредственно суфийской истории – известным святым, суфийским наставникам, дервишам и т.п.

В Коллекции присутствуют ещё несколько образцов этого жанра, в частности, ещё одно «Житие Величайшего Иمامа» – «*Имам-ы азам менакиби*» Мехмеда Шюкри ве (?) Гююшханели Исмаила (Стамбул, 1291/1874-75 г.) (№ 618), а также рукописный список на арабском языке «*Китаб-ы (?) фи Менакиб-и Фатимет-уз-Зехра*» (№ 77, старый №, возможно, 355 – под таким номером в «Описи» присутствует рукопись «*Менакиб-и Фатимет-уз-Зехра*» Сеййид Шерифа (818/1415-16 г.)).

Последнее произведение представляет собой поэму, повествующую о полной чудес жизни одной из мусульманских святых – дочери Пророка Мухаммеда Фатимы (ум. 633). Супруга четвёртого халифа Али бин Аби Талиба и мать двух внуков Пророка Хасана и Хусейна, Фатима является одним из наиболее почитаемых женских фигур в исламском мире. Образ её испокон веков был окружён многочисленными легендами, породившими, в том числе, и значительное количество литературных произведений. Одним из них является и присутствующая в нашей Коллекции поэма. (Как правило, с именем Фатимы употреблялся эпитет «аз-Захра» – «Блестящая», который мы видим и в названии нашего произведения.)

В одном томе с поэмой Кара Шемса (см. выше) находится и поэтическое произведение на турецком языке (с комментариями), озаглавленное как «*Исхак эфенди манзумеси*» – «Поэтическое произведение Исхака эфенди». О Шейхульисламе Исхаке (ум. 1734) известно, что он был поэтом, очень популярным среди дервишей-мевлеви. О произведении же пока сказать что-либо трудно, поскольку в списках произведений поэта, имеющихся в нашем распоряжении, носящее наше название не значится.

Следующее произведение коллекции к суфизму непосредственного отношения не имеет, однако принадлежит перу известного османского поэта-члена братства мевлеви Шахиди Ибрахима Деде (ум. 1550). Речь идет о его «*Тухфе-и Шахиди*» («Дар Шахиди») (1515) – персидско-турецком словаре в стихах, снискавшем большую популярность и вызвавшем к жизни целый ряд комментариев (*шерх*) и подражаний (*назире*). О популярности его в Крыму может свидетельствовать факт обнаружения его и в Коллекции Ялтинского историко-литературного музея [19].

В «Описи» присутствует ещё один экземпляр словаря (№ 372), а также сборник стихов поэта – «*Китаб-и Шахиди*» (№ 371). Что касается последнего – пока не удалось установить, что это за сборник: у Шахиди целый ряд поэтических сборников, но не один из них не носит нашего названия.

Говоря о группе литературно-художественных памятников религиозно-суфийского содержания, хотелось бы особо сказать об экземпляре стамбульского 1294/1877 г. издания широкоизвестного произведения знаменитого османского ученого-энциклопедиста, шейха ордена накшбендийе Ибрахима Эрзурумлу (1703–1780) «*Маарифетнаме*» («Книга о мистическом знании») (№ 52). «Маарифетнаме» (1760) представляет собой грандиозный по масштабу труд, собственно – энциклопедию, охватывающую самый широкий спектр различных областей религиозного и научного знаний, а также мистицизм (суфизм). Помимо этого, произведение содержит и внушительный объем (несколько сот двустиший) очень ярких поэтических фрагментов суфийского содержания – стихотворений о мистической любви, божественном знании, духовном совершенствовании и т.д., снискавших автору, известному учёному и суфийскому наставнику, славу и незаурядного поэта. Произведение пользовалось большой популярностью в читательских кругах, прежде всего – научных и суфийских, в том числе и в Крыму. В «Описи» указаны несколько экземпляров этой книги, по меньшей мере, один из них в настоящее время находится в Санкт-Петербурге.

Наконец, в Собрании присутствуют и произведения, объединяемые обычно вокруг пожалуй наиболее известного произведения османской религиозной литературы – «Мевлида» Сулеймана Челеби, и составляющие так называемый «Мевлидский канон» – литературу на турецком языке, повествующей о жизни пророка Мухаммеда (а также – примыкающую к ней, см. ниже), ставшую чрезвычайно популярной, и прежде всего – в самых широких народных слоях, достигнув славы подлинно национальной литературы. Сразу же отметим, что авторами практически всех произведений этого канона так же являлись поэты-дервиши – как рядовые члены, так и наставники (шейхи) различных суфийских братств. «Литература «Мевлида», в силу огромной популярности – а известна она была практически в каждой мусульманской семье османского региона – представлена в Собрании многочисленными экземплярами основных произведений канона.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-СУФИЙСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В СОБРАНИИ РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ ХАНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ В БАХЧИСАРАЕ

Это, прежде всего, сам «Мевлид» (1409) дервиша-мевлеви Сулеймана Челеби (ум. 1422), представленный несколькими рукописными списками, а также экземплярами ряда печатных изданий (№№ 295, 477, 714, 738, 774, 775, 800). За ним следует «Мухаммедие» (1449) Языджиоглу Мухаммеда (ум. 1451) – мюрида известного османского шейха, основателя братства байрамиие Хаджи Байрама Вели (ум. 1429), также представленное рядом рукописных и печатных экземпляров (№№ 617, 724, 761).

К сожалению, в нынешней коллекции отсутствует ещё одно, не менее популярное произведение канона – поэма «Ахмедие» (1746) Ахмеда Муршиди (1689–1761). В «Описи» произведение отмечено под № 1459.

Картина была бы не полной, если бы мы не упомянули ещё два произведения «Мевлидского канона», а именно – поэму «Махмудие» также дервиша ордена байрамиие Мехмедоглу Махмуда (XIV в. (?)), и ещё одно «Ахмедие» – известного комментатора «Месневи» Хамдуллаха Хамди (XV в.). Однако ни в нынешней коллекции, ни в «Описи» они, почему-то, не присутствуют, хотя нет никаких сомнений в том, что в Крыму оба произведения были известны.

В связи с тематикой Пророка отметим ещё несколько произведений из Коллекции, бывшие в большом почёте в самых широких читательских кругах, причём, как в строго ортодоксальных, так и суфийских.

Это, прежде всего, «Касиде-и бурде» (более точное название – «Касиде-и бурэ») – знаменитая «Касыда плаща», необычайно популярная поэма египетского поэта Мухаммеда аль-Бусири (1212–1296), повествующая о легенде чудесного исцеления парализованного больного после того, как ему явилось видение, будто Пророк набросил на него свою накидку (плащ). Поэма неоднократно переводилась – как на восточные, так и многочисленные европейские языки – и комментировалась в различное время различными авторами (в арабской поэзии нет другого произведения, которое бы столько раз комментировалось, становилось объектом подражаний (*назире*) и переводилось на многочисленные языки мира). Особенной популярностью поэма пользовалась при болезнях, фрагменты её текста носили при себе как талисман. Целый ряд переводов и комментариев её на персидский и тюркские языки, как и экземпляры произведения самого аль-Бусири – главным образом, печатные образцы XIX – нач. XX вв. – присутствуют и в нашей коллекции.

Помимо этого, и в современной коллекции и в «Описи» присутствуют образцы ещё двух жанров поэтических произведений, посвящённых личности Пророка – *сиер* (мн. от ар. *сира* – «жизнь», «жизненный путь», «жизнеописание») и *хилье* (от ар.: «украшение», «прекрасный облик», «возвышенные, благословенные качества»). Первое из них – «*Сиер-эн-Неби*» («Жизнеописание Пророка») Мехмеда Али Васфи (печатный экземпляр 1284/1867-68 года (№ 365)). Второе – «*Хилье (?)*», рукопись на турецком языке 1083/1672-73 года (№ 380 по «Описи»), – это произведение атрибутировать пока не удаётся.

Возвращаясь к «Мевлиду» и «Мухаммедие», добавим, что практически все печатные экземпляры, впрочем, как и основная масса рукописных списков, как одного, так и другого произведения обычно завершались целым рядом коротких стихотворных поэм религиозно-дидактического содержания – *дестанов* – в форме *месневи*, особо любимых в простонародной мусульманской среде. Написанные очень доступным, понятным языком, проникнутые искренним и страстным чувством, исполнявшиеся в специфической напевной манере (как, впрочем, и основные поэмы «Мевлидского канона») – без них не проходил практически не один религиозный ритуал. Самыми распространенными из этих *дестанов* (чаще всего – анонимных авторов) являлись *дестаны* «*Гозерджин*» («Голубь»), «*Гейик*» («Лань»), «*Дестан-и Кесик Баиш*» («Дестан об Отрубленной голове»), «*Бинамаз*» («бинамазом» называли человека, не совершавшего намаз) и ряд других. В Коллекции эти *дестаны* можно видеть практически во всех рукописных и печатных списках «Мевлида» и «Мухаммедие».

И, наконец – стихотворения жанра *иляхи* (аналог христианских псалмов), без которых также не мыслится (и, как правило, не мыслится до настоящего времени) ни одно мусульманское религиозное собрание (молебен). Среди *иляхи* (от ар. «божественное», «относящееся к Богу», «адресованное Богу») отдельными стихотворениями в различных сборниках встречам образцы творчества таких широко известных суфийских поэтов, как Ю. Эмре (ум. 1321? – гениальный анатолийский поэт, давший, собственно, первые образцы жанра *иляхи* в турецкой литературе), Несими (Имадуддин Несими – знаменитый азербайджанский поэт, обвиненный в ереси и убитый в 1417 г.), Руми (Эшрефоглу Руми (ум. 1469) – прославленный суфийский шейх (по некоторым сведениям, крымского происхождения), основатель братства эшрефии (ответвление тариката кадирийе), поэт и автор многочисленных суфийских трактатов, чей язык считается одним из наиболее ярких образцов анатолийского тюрки XIV–XV вв.), и других (см., в частности, рукописную тетрадь № 418).

Выше мы уже отмечали произведения, которые в силу различных обстоятельств отсутствуют в сегодняшней коллекции. К сожалению, остаются не обнаруженными ещё целый ряд произведений, отмеченных в «Описи». В частности, рукопись 1135/1722-23 года (сборник стихов ?) «*Мельхаме-и манзуме*» (1635) известного османского поэта и каллиграфа, члена братства мевлеви Ибрахима Джеври (ум. 1654). Любопытно, что именно этому поэту принадлежат две поэтические хронограммы – на воротах хана (постоялого двора) и фонтане в г. Гёзлеве (ныне г. Евпатория), датированные соответственно 1062/1651-52 и 1061/1650-51 годами [20]. Можно предположить, что наша рукопись каким-то образом связана с пребыванием Джеври в Крыму, быть может это даже – авторский список.

Ещё одним произведением, судьба которого продолжает оставаться неизвестной, является рукописный сборник, надо полагать – «Диван», османского поэта Яхья эфенди, отмеченный в «Описи» как «Сборник стихов поэта Яхья» (№ 350). Стамбульский поэт и трижды Шейхульислам Османской империи (шейхульислам – глава всех османских улемов и высший авторитет в вопросах богословия и религиозного права) Яхья эфенди (Шейхульислам Яхья, 1552–1644) был одним из наивысших лирических османских поэтов, имя которого упоминается рядом с именами выдающихся Баки (ум. 1600) и Недима (ум. 1730).

Несмотря на то, что Яхъя был поэтом дивана, он пользовался огромной популярностью и в суфийских кругах. Особенную славу ему снискали стихи о божественной любви, ставшие своего рода классикой соответствующего жанра.

Ещё два имени, сборники стихов которых не найдены, широко известны: Ахмед Есеви и Махтум Кули. Ахмед Есеви (ум. 1166) – один из старейших тюркоязычных поэтов, представитель литературы периода Караханидов, являющейся в настоящее время общим наследием всех тюрко-мусульманских народов. Выдающийся суфийский наставник, основатель братства есевийе, он и его творчество также хорошо были известны в Крыму (причём, по меньшей мере, с XIII в.) [21]. В «Описи» присутствует экземпляр его «Хикметов» казанского 1295/1878 года издания (№ 704). Есть сведения, что стихи А. Есеви издавались и в Крыму, в 1889 году [22], но образцы этого издания в Коллекции отсутствуют.

Что касается Махтум Кули (1733–1798), выдающегося туркменского поэта, в творчестве которого суфийские мотивы занимали весьма значительное место, в «Описи» указаны два экземпляра (№№ 1458, 1682) Части I его «Дивана» астраханского издания 1912 года.

В заключение представим произведение, стоящее несколько особняком в ряду вышеуказанных и являющееся, в отличие от вышеприведённых поэтических произведений, памятником суфийской художественной прозы. Это – известная антология «*Мукашефет-уль-кулуб*» («Раскрытие сердец»), принадлежащая перу великого мусульманского философа, впоследствии суфийского мыслителя ал-Газали (1058–1111) (в современной коллекции присутствует под № 259). В «Описи» указано несколько экземпляров этой книги, по меньшей мере, один из них в настоящее время находится в Санкт-Петербурге. Заметим, что данное произведение является одним из многочисленных трудов ал-Газали, присутствовавших (и, хочется надеяться, присутствующих) в коллекции: в «Описи» отмечено по меньшей мере семь различных трактатов знаменитого мыслителя.

Заключение. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в Собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае составляют хоть и не многочисленную, однако достаточно содержательную часть данного Собрания, дающую нам возможность, пусть даже в самых общих чертах, представить круг чтения по соответствующей тематике представителей самых широких слоёв крымскотатарского (мусульманского) общества Крыма соответствующего периода. Эта часть коллекции, как и всё Собрание, надо полагать, далеки от репрезентации всего спектра и объёма литературы, бывшей входу в Крым в описываемый период, однако даже она позволяет, в целом, представить тот литературно-художественный канон, который служил удовлетворению (как, впрочем, и формированию) разнообразных духовных, интеллектуальных и эстетических запросов крымских мусульман того времени.

Академик И.Ю. Крачковский, описывая крымскую коллекцию, в своё время заметил, что она «интересна в целом, как показатель уровня духовной образованности в одной из мусульманских провинций» [23]. О. Васильева в уже упоминавшейся выше статье так прокомментировала эти слова известного востоковеда: «И надо заметить, что этот уровень не был низким» [24].

У нас нет причины не согласиться с мнением О. Васильевой. Даже вышеописанная, довольно ограниченная часть Собрания представляет собой достаточно репрезентативную картину. В ней присутствуют образцы самых различных жанров религиозно-суфийской литературы того времени: произведения посвященные жизни и личности Пророка, а также членам его семьи и известным мусульманским религиозным авторитетам, классика суфийской назидательной и, собственно, мистической поэзии, образцы творчества наиболее известных поэтов-суфиев и т.д. Перед нами литература, в течение столетий питавшая духовную жизнь крымских мусульман и обладающая несомненным, более того, значительным духовным и эстетическим потенциалом. Литература, в настоящее время, к сожалению, практически забытая и известная в лучшем случае лишь специалистам в соответствующих областях. Представляется необходимым подробное исследование всего вышеописанного наследия с целью возвращения в сегодняшний день всего наиболее в нём эстетически и идейно ценного.

Источники и литература

1. Урсу Д.П. Хранитель исторической памяти Усеин Боданинский // Очерки истории и культуры крымскотатарского народа (1921–1941). – Симферополь, 1999. – С. 66–71, 132.
2. Желтухина О.А. Археологические и этнографические экспедиции Бахчисарайского дворца-музея в 1924–1929 гг. // Голос Крыма. – 1996. – 30 августа.
3. Крачковский И.Ю. Отчёт о командировке в Крым летом 1924 г. // Известия АН. Сер.6, Т.18, Ч.2, № 18. – Л., 1924. – С. 662–670: «Недавно музей обогатился частью библиотеки медресе Зинджирли, которая в продолжение столетий была центром высшего образования на полуострове. В ней много старинных и ценных изданий из Египта, Багдада и Стамбула, всего около 150». (Цитата по: Урсу Д.П., с. 67). Обращает на себя внимание то, что Желтухина О.А. (см. выше) сообщает о 209 книгах.
4. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. – Симферополь, 1930. – С. 14, 21.
5. Например, из суфийской обители братства накшбендие в Бахчисарае во второй половине 1920 гг. в Музей поступило книжное собрание, состоявшее из 44 названий (см.: Собрание рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае, Акт № 2 за 7.05.1928 г.). Так же можно указать на поступивший из Евпаторийской ханской мечети знаменитый Коран 1309–14 гг. (см.: Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. – Симферополь, 1930. – С. 21). Известно также, что богатой библиотекой располагала и мечеть-текие в предместье Бахчисарая Азиз, как, впрочем, и многочисленные другие мало-мальски крупные религиозные учреждения Крыма (в первую очередь – медресе и дервишские обители).
6. О нем: Осман Мустафа оглу Осман. Зынджырлы медресенинъ сонъки мудерриси. Весикъалы повесть // Ылдыз. – 2001. – № 2. – С. 39–111.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-СУФИЙСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В СОБРАНИИ РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ ХАНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ В БАХЧИСАРАЕ

7. Крачковский, 1924 (см. выше).
8. Васильева О.В., Лебедев В.В. Бахчисарайское собрание восточных рукописей // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Сб. науч. тр./ ГПБ. – Л., 1983. – С. 131–139.
9. Там же, С. 131.
10. Ограбление народа – ограбление истории // Къырым (Симферополь). – 1994. – октябрь 29.
11. Васильева О.В., Лебедев В.В. (см. выше).
12. В частности: Кемаль, Якуб. Арабський суфійський рукопис XIII віку в Криму знайдений і чи не в Криму й писаний // Студії з Криму. – Київ, 1930. – С. 159-164, а також: Бахревский Е.В. Суфизм в Крыму (По материалам «Книги путешествия Эвлии Челеби») // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 395-402.
13. Gölpınarlı A. Önsöz / Mevlana. Mesnevi. C. 1. – İstanbul, 1990.
14. Öztuna Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt: 2. – Ankara, 1996. – S. 36.
15. Руми Дж. Мюнтехабат-ы Месневи-и шериф. (Тюркче терджимеси.) I–II / Нашири: «Терджиман» муаррири Исмаил Гаспринский. – Багъчасарай: «Терджиман», 1902. – 32 с..
16. Насихат-и хукема эз эсер-и Локъман ве Шейх Аттар ве дигерлери. – Багъчасарай: Терджиман, 1897. – 26 с..
17. Гордлевский В.А. Рукописи Восточного Музея г. Ялты // Доклады Академии Наук СССР (ДАН). – № 10. – Ленинград, 1927. – С. 221.
18. Aşkar, Mustafa. Niyazi-i Mısri ve tasavvuf anlayışı. – Ankara, 1998. – S.116-117, 122.
19. Гордлевский В.А., С. 221.
20. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667) / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. – Симферополь, 1999. – С. 22-23.
21. Кемаль Я., С.160.
22. Керим, Исмаил Асан-огълу. Библиографик сечмелер. – Акъмесджит, 1994. – С.9.
23. Крачковский И.Ю., С. 665.
24. Васильева О.В. Крымскотатарские рукописные материалы в Отделе рукописей // Восточный сборник. Вып. 5. – СПб., 1993. – С. 42.

Волков А.Г.

Г. ШПЕТ: ВІДРОДЖЕННЯ ЯК ПЕРЕТВОРЕННЯ

Актуальність вивчення спадщини Г. Шпета пов'язана з виявленням можливостей феноменологічного аналізу соціальних явищ. Феноменологічна концепція Г. Шпета багато в чому відрізняється від гуссерлевської в том, що свідомість наділюється здатністю породження сенсу. Саме тому на наш погляд вона може успішно застосовуватися для аналізу конкретних політичних подій. Слід зазначити, що до теперішнього часу його спадщина на Україні не стала об'єктом детального вивчення, хоча початок його науковій діяльності пов'язано з Київським університетом, тоді як в Росії створений Шпетфонд, що фінансується Інститутом імені Кеннана Центру У. Вільсона, при підтримці Корпорації Карнет в Нью-Йорку (США), Фондацією Джона і Кетрін Артуров (США), а також багато якими російськими фундаціями. До теперішнього часу вже відбулися четверті Шпетовські читання. Як свідчать публікації, досить велику увагу Г. Шпет присвятив вивченню історичної реальності. Серед робіт, які присвячені даному аспекту слід виділити статті В.І. Возілова [1], О.Г. Волкова [2], М.К. Гидіні [3], Л.В. Епіної [4], Н.Н. Каргіцького [5], Т.В. Мещеряковой [6], М.А. Місик [7], Б. Пойзнера [8], В.Н. Сирова [9], Т. Щедриної [10], А. Ящук [11]. Як головної історичної події Г. Шпет частіше всього звертається до революції, сучасником якої він був і безпосередньо спостерігав. При зверненні до його робіт звертає на себе увагу виділення її деструктивного характеру, як, наприклад, в наступному вислові: «Революція пожерла вчорашню дійсність. Але революція – годинник і роки «між», смерть для нового народження, онтологічна фікція. Історично-дійсним і дійсно-історичним залишається лише те, що розплавиться в полум'ї революції, очисному полум'ї. Язика полум'я – слова нового значення і значення, знаки того, що Відродженому – жити в дійсному світлі» [12]. Очевидно, що в самому цьому вислові можна виявити істотні суперечності. З одного боку, Г. Шпет прямо указує, що революція – це онтологічна фікція. Витоки цієї фікції полягають в тому, що в ній міститься відмова від буття в занурення суб'єкта в сферу ніщо. Це занурення в нічого є спалювання в полум'ї, хай очисному. Відповідно, для суб'єкта виникає потреба не бути «розплавленим» або, як цей принцип був сформульований трохи інакше, не бути «перекованим» в таборах. В ситуації революції бути не «розплавленим» означає необхідність самому спалювати інших, або виявитися зовні сфери полум'я. За іронією долі Г. Шпет сам виявився охопленим полум'ям революції і загинув. Основна проблема революції полягає в тому, що абсолютній стає саме онтологічна фікція або нігілювання, як визначає феномен соціальної деструкції А. Камю [13]. І саме вона оголошується «чистій». Пригадаємо в цьому зв'язку, що у феноменології Е. Гуссерля чистою свідомість може бути тільки в наслідок редукції, тобто усунення з нього емпіричного і раціонального. Чи не це очищення мав на увазі Г. Шпет, коли говорить про очисне полум'я революції? Відповідно, язиками полум'я, точніше засобом нігілювання слова нового значення і сенсу. Дійсно, революція включає метаморфозу значень відомих слів, внаслідок чого вони придбавають нові сенси, що відноситься і до слова «влада». Спочатку значення слова «влада» включає здатність і можливість надавати дію на поведінку людей. Безумовно, що влада може виступати як онтологічна фікція, якщо вона буде тільки гнітом, приниженням, геноцидом і ін. Але це не означає, що нігілювання повинне бути основним виявом влади і перетворитися на полум'я, яке «пожиряє» дійсність. З погляду феноменології Г. Шпета «пожирання» дійсності відбувається в слові. Саме для цього необхідні емоційно яскраві гасла. Як прикладу приведемо одне з гасел «оранжевої» рево-